

УДК 821.121.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
В31

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Вербинина, Валерия.
В31 Званый ужин в английском стиле : роман / Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-111312-4

Говорят, хиромантия — наука, позволяющая прочесть по руке многое, иногда даже слишком многое... Что и подвело знаменитого итальянского хироманта Беренделли, приглашенного на званый ужин семьей Верховских. Посмотрев ладони присутствующих, он объявил, что среди них находится убийца, безжалостный и хладнокровный. Сообщение вызвало переполох у гостей, ведь все они — приличные, уважаемые люди! Но маэстро не ошибся, потому что еще до окончания вечера сам он погиб при совершенно загадочных обстоятельствах. И теперь у баронессы Амалии Корф, которая по воле случая оказалась у Верховских, есть лишь несколько часов, чтобы установить личность убийцы...

УДК 821.121.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-111312-4

© Вербинина В., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

СУББОТА, ПЯТЫЙ ЧАС ВЕЧЕРА

Анна Владимировна волновалась. Для этого не было решительно никаких оснований, но, тем не менее, она не могла избавиться от чувства беспокойства, и чем ближе время подходило к семи часам, тем сильнее становилась ее тревога. Казалось бы, до сих пор все шло прекрасно. Петербургский повар с рекомендациями от самого князя Голицына расстарался на славу, цветы для вечера были выписаны чуть ли не из самой Ниццы, а вина доставлены из французского магазина, нисколько не уступающего московскому, который содержал знаменитый Дебре. Вина, между прочим, влетели им в копеечку, и даже сын Митенька, увидев присланный из магазина счет, малость оробел и заморгал глазами. Конечно, семье пора привыкать к новой жизни, ведь Павел Петрович теперь статский советник, и жалованье ему положено в две тысячи рублей в год; мало того, служить он будет теперь не в захолустной Москве, а в блестящей столице, куда семья Верховских перебралась всего несколько дней тому назад.

Анна Владимировна удовлетворенно вздохнула. Так-то оно так, только вот петербургские магазины

эти — сущее разорение, и сразу даже и не разобрать, где деньги берут за дело, а где так, только зря цену вздувают, бесстыжие. Вывески все одна красочнее другой, а что за ними кроется — с непривычки и невдомек московскому провинциалу, который почти не бывал в столице прежде. Хорошо хоть Евдокия Сергеевна, супруга Павлушиного начальника, который вместе с подчиненным перебрался на службу в Петербург, помогла на первых порах обустроиться и объяснила, что к чему.

В Москве все проще, думала Анна Владимировна, поправляя вазу. И извозчики не такие лихие, как здесь, и городовые помягче, подушевнее, не то что в столице, где каждый из них полковником глядит и так грозно шевелит усами, что боишься и обратиться лишний раз. Все хорошие магазины в Москве наперечет, там даже и голову ломать не надо: хочешь булочек — ступай себе к Филиппову на Тверскую, надо мужу новую шляпу — пожалуйста к Вандрагу на Петровку. А в Петербурге... Анна Владимировна зажмурилась от сладкого ужаса, вспоминая, во сколько обошлось ей новое платье, шитое у знаменитой портнихи. Евдокия Сергеевна ей по секрету шепнула, что портниха не простая, обшивает даже кое-кого из членов августейшей фамилии. Не самых, положим, высоких членов, потому что тогда бы ее услуги обошлись вдвое дороже, но все же... все же... При одной мысли о том, что она одевается у той же портнихи, что и родственники Его императорского величества, в груди у Анны Владимировны приятно потеплело. Нет, все-таки ничто не может сравниться с жизнью в северной столице, и хорошо, что Павлушу наконец сюда перевели. Привыкнул они и к дорогим магазинам, и к бешеным извозчикам. Митенька наконец

образумится, поступит в университет. Одним словом, все будет — лучше не придумаешь. Именно так, как и должно быть.

Вошла горничная Глаша, которую Верховские привезли с собой из Москвы, — веснушчатая застенчивая девушка, маленькая и отчаянно некрасивая. Конечно, ведь Анна Владимировна понимала, что для спокойствия семьи горничные должны быть ловкие и как можно менее привлекательные, дабы у хозяина не возникало излишних соблазнов. Что касается лакеев, то Павел Петрович волен нанимать любых, лишь бы не воровали ложки и вели себя прилично. Анна Владимировна очень уважала приличия, и теперь, в этот прекрасный осенний вечер, ее не на шутку терзала мысль, что в столице ее могут счесть не *comme il faut*¹, слишком провинциальной для того, чтобы занять достойное место в обществе. Впрочем, на сей случай она своевременно озаботилась принять свои меры. Сегодня будет первый званый вечер, который она устраивает в Петербурге в качестве супруги статского советника Верховского, и, разумеется, она сделает все для того, чтобы он удался.

— В чем дело, Глаша? — спросила Анна Владимировна.

Оказалось, что кудесник-повар с презрением отверг купленную для вечера телятину и требует другой, более свежей. Что же до той, которую приобрели Анна Владимировна с кухаркой Дарьей, то господин повар придерживается такого мнения: ее вполне можно скормить коту Ваське. Глаша, волнуясь, закончила рассказ и робко покосилась на хозяйку. Ще-

¹ *Comme il faut* (франц.) — здесь: приличные люди, полностью соответствующие требованиям общества.

ки Анны Владимировны порозовели: она отлично помнила, что самым бессовестным образом сэкономила на телятине, но ей было неприятно, что ее уличили.

— Право же, я не понимаю, чего он от нас хочет, — беспомощно проговорила Анна Владимировна. Затем, немного подумав, поинтересовалась: — А нельзя ли телятину чем-нибудь заменить?

Глаша пообещала, что спросит у господина повара, и скрылась за дверью. Анна Владимировна сокрушенно поглядела горничной вслед. Просто возмутительно, до чего эти молодые повара горазды драть деньги. Телятина, видите ли, ему не понравилась! Анна Владимировна покачала головой и, заметив у румяной розы увядший лепесток, сердито оторвала его. Однако тотчас же лицо ее обрело привычное терпеливо-покорное выражение — послышались знакомые шаги, и в гостиную вошел Павел Петрович, подомашнему одетый в наиновейший шлафрок пунцового цвета. В руках статский советник держал слегка смятую газету.

— Павлуша! — с укором промолвила Анна Владимировна. — В каком ты виде!

— Так ведь рано еще, — улыбаясь, отвечал советник. — И потом, матушка, ты не знаешь здешних петербургских обычаев. Раз назначено в семь, значит, жди к восьми.

Он весь лучился довольством. Но не тем спесивым довольством, которое обыкновенно выводит из себя окружающих, а каким-то очень естественным, симпатичным, проистекающим из неизменно хорошего настроения и миролюбивого, ровного характера. Весь его облик словно говорил: «Жизнь хороша, и жить чертовски хорошо». Сам Павел Петрович был

маленький, кругленький, с пушистыми седоватыми усами и намечающейся на макушке плешью. Он любил кошек и обладал редким даром с первого взгляда внушать детям к себе доверие. Анна Владимировна поглядела на мужа и улыбнулась.

— Ты бы переоделся все же, Павлуша, — попросила она мягко.

Почтенный статский советник в ответ лишь сморщил нос, как мальчишка, и, не отвечая, повалился на диван, где вновь стал просматривать газету.

— Что-нибудь интересное? — спросила Анна Владимировна. Она не увлекалась политикой и ничего в ней не смыслила, но раз они теперь живут в столице, надо быть в курсе происходящего.

— Ничего, представь себе, — все с той же добродушной улыбкой отвечал муж. — Германия опять грозит войной, но Австрия вроде бы колеблется. В российском воздухоплавательном обществе испытывали новый воздушный шар, но неудачно. — Он перевернул страницу. — Граф Толстой, кажется, пишет новую книгу. А в остальном все то же, что и обычно. — Он зевнул, прикрывая газетой рот.

«Надо будет сказать ему, чтобы он не зевал в обществе», — мелькнуло в голове у Анны Владимировны. Она села напротив мужа и сложила руки на коленях.

— Павлуша... — несмело начала женщина.

— Что, ангел мой?

— Меня беспокоят вина. — Анна Владимировна умоляюще поглядела на него. — Ну зачем было столько заказывать, скажи на милость? Шабли, шато д'икем... ликеры разные...

Павел Петрович хитро прищурился.

— А ты бы хотела обойтись одним ланинским

шампанским?¹ Или, может, надо было заказать кахетинское братьев Елисеевых?² — Он пренебрежительно повел своими полными плечами. — Пфф! Еще чего не хватало, в самом деле!

— Но ведь гости вряд ли все выпьют, — умоляюще проговорила Анна Владимировна. — Если что-то останется, мы ведь сможем вернуть ненужное в магазин, правда?

Она смотрела на него, и в ее бледно-голубых глазах застыла такая мольба, что Павел Петрович не нашелся, что ответить. Нет слов, его супруга — добрейшая из женщин, образцовая хозяйка, хлопотливая, внимательная, набожная и к тому же прекрасная мать, но есть все же вещи, которые она упорно понимать не желает. Это в Москве можно вернуть товар, если лавочник вам хорошо знаком, а вот в столице. В столице, если вы начнете позволять себе такие фертикулясы, вас навечно запишут в невежи и медведи. Павлу Петровичу вовсе не улыбалась мысль прослыть медведем, но он прекрасно знал: ежели жене что втемяшится в голову, ее не переубедить. Поэтому он только недовольно покрутил головой и, буркнув: «Делай что хочешь», стал читать списки приезжающих в Петербург.

Вернулась Глаша, и успокоенная Анна Владимировна вполголоса отдала ей приказание: несколько бутылок — самых дорогих — припрятать, а за телятиной кого-нибудь послать, чтобы повар потом не бур-

¹ Н.П. Ланин был редактором «Русского курьера». Помимо того, он владел заводом, который производил фруктовые воды, а также недорогое шампанское.

² В 80-е годы XIX века это вино считалось эталоном, но — эталоном крайне низкого качества.

чал, что у Верховских-де никакого понятия о приличиях и вообще сплошное моветонство. Глаша присела в книксене и удалилась, а Анна Владимировна оглядела гостиную, чтобы убедиться, все ли сделано как надо. В этот особняк они въехали совсем недавно, но с мебелью им определенно повезло. Она ничуть не бросалась в глаза и чем-то неуловимо походила на хозяйку дома — такую же неприметную и вместе с тем незаменимую.

— Иван Андреевич точно будет? — спросила Анна Владимировна.

— Обещал, — лаконично ответил ее супруг.

Иван Андреевич Лакунин был его начальник по ведомству, вместе с которым они и перебрались в Петербург.

— И Владимир Сергеевич обещался быть, — добавила Анна Владимировна. — Вместе с братом.

Владимир Сергеевич Городецкий был когда-то сослуживцем Павла Петровича. Несколько лет назад он вышел в отставку и перебрался в столицу, где дела его по всем признакам пошли в гору. Сейчас он, насколько было известно Верховским, помогал вести дела своему брату Константину, известному адвокату.

— Жаль, Наталья Петровна сказала, что не может принять наше приглашение, — вздохнула Анна Владимировна.

Статский советник поморщился: Наталья Петровна была его родной сестрой, и уж она-то, во всяком случае, могла оказать им честь своим посещением.

— Зато мы увидим Вареньку и ее жениха. Давненько мы ее не видели! — добавила супруга.

— Угу-м, — промычал Павел Петрович.

— Ты знаешь, кто ее жених? — с любопытством спросила Анна Владимировна. Сама она долгое время надеялась, что племянница Варенька выйдет замуж за их Митю, но отец Вареньки, суровый генерал Мезенцев, высказался категорически против брака между близкими родственниками, за что Анна Владимировна его сильно невзлюбила. — Кажется, он военный?

Павел Петрович метнул на нее хмурый взгляд.

— Я знаю только, что он служит при дворе, — сказал он. — Натали не сообщала мне подробностей.

«При дворе, скажите пожалуйста! — мелькнуло в голове у Анны Владимировны. — Уж не лакеем ли?» Однако она согнала с лица скептическое выражение и улыбнулась.

— Все-таки хорошо, что нам удалось заполучить на вечер этого итальянца, — заметила она. — Правда, долго пришлось его уламывать, но...

Павел Петрович вздохнул и спросил довольно равнодушно:

— Ты о хироманте?

По правде говоря, за последние дни жена говорила ему об особом госте много раз, и статский советник уже начал жалеть, что они вообще устраивают этот вечер.

— Конечно, о нем, — несколько обиженно отозвалась Анна Владимировна. — А о ком же еще?

Поскольку в Петербурге у Верховских было все-таки еще слишком мало знакомств, а одними родственниками в таком случае не обойтись, Анне Владимировне пришла в голову гениальная мысль — пригласить на вечер знаменитого хироманта Пьерлуиджи Беренделли, которого они знали еще по Ментоне. Летом Павел Петрович лечился там от камней в поч-

ках, тогда супруги Верховские и познакомились с итальянцем, чья дочь тоже находилась на курорте. Осенью Беренделли возобновил гастроль по Европе, во время которых он неизменно поражал публику своими знаниями — предсказывал судьбу по руке и читал прошлое и будущее с такой легкостью, словно они были открытая книга. Сейчас хиромант находился в Петербурге и вскоре собирался уехать в Париж, так что Анне Владимировне пришлось приложить нешуточные усилия для того, чтобы заполучить к себе знаменитого итальянца. Заручившись его согласием, Анна Владимировна вздохнула свободнее: теперь она была уверена, что ее вечер ждет неминуемый успех. Даже эксцентричная графиня Толстая и та напросилась через Павлушиного начальника к ним в гости, чтобы поглядеть на хироманта. И Городецкие, что ни говори, сначала отнекивались от приглашения, пока не узнали, кого встретят у Верховских. В глубине души Анна Владимировна ликовала.

— Только я не уверена, как надо их рассаживать, — пожаловалась она мужу. — Беренделли будет вместе с дочерью, и он, конечно, знаменитость. Но твой начальник... И, конечно, графиня Толстая...

— Гм, — рассеянно молвил на это Павел Петрович. — Кстати, баронесса Корф вернулась в Петербург из продолжительной заграничной поездки.

Анна Владимировна решила, что ослышалась.

— Баронесса Корф? — удивленно спросила она.

— Мы встречали ее в Ментоне, — напомнил статский советник. — Разве ты забыла?

Анна Владимировна ничего не забыла, а в особенности те взгляды, какие добрейший Павел Петрович бросал летом на очаровательную белокурую баронессу. Мадам Верховской смутно вспомнилось,

что у госпожи Корф были не в порядке легкие. Также она помнила, что баронесса приехала в Ментону не одна, а с двоюродным братом, который говорил преимущественно по-английски и походил на нее как две капли воды. Впрочем, от пронизательной Анны Владимировны не ускользнуло, что молодой человек вел себя очень предупредительно по отношению к кузине, — по правде говоря, даже чересчур предупредительно для обычного родственника. У статской советницы осталось впечатление, что этих двоих связывает какая-то тайна, и какого именно порядка тайна, она даже не сомневалась. Конечно же, речь шла об обыкновенном романе! Но Анна Владимировна считала себя выше сплетен и не стала ставить легкомысленной госпоже Корф на вид ее безрассудное поведение. В конце концов, пока кузен находился при ней, мадам Верховская могла не опасаться за своего супруга.

— В Ментоне было так много людей, — вздохнула Анна Владимировна. Павел Петрович недоверчиво покосился на нее, и потому она быстро добавила: — Но баронессу Корф я помню. Послушай, Павлуша...

— Что?

— А тот доктор, который тебя лечил... Венедикт Людовикович... — Анна Владимировна замялась. — Мне только сейчас в голову пришло... Зря мы, наверное, его пригласили.

— Почему? — очень сухо спросил Павел Петрович. По натуре он вовсе не был снобом, и то, что жена пыталась проявлять неуместную разборчивость, его невольно корбило.

— Но посуди сам: графиня Толстая, адвокат Городецкий и... и... — Анна Владимировна не смогла

закончить фразу и только беспомощно развела руками.

Однако Павел Петрович был на редкость твердолюб.

— Не могу понять, отчего это тебя так волнует, — заявил он, пожав плечами. — Уверяю тебя, доктор вхож во многие приличные дома. И в конце концов, чем он хуже твоего хироманта?

Анна Владимировна тихо вздохнула. Боже, и отчего мужчины так упрямы? Конечно, Венедикт Людовикович — почти друг их семьи, и Павлуша ему многим обязан, но вот будет ли его присутствие уместно на их вечере? В конце концов, не стали же они приглашать, к примеру, портного Павла Петровича. А хиромант Беренделли — совершенно особая статья. Он знаменитость такого калибра, которую за честь сочтут принять где угодно, и не надо равнять его с французом-доктором, который вечно курит так неопрятно, что у него все манжеты обсыпаны пеплом. Да!

Вошел Трофим, лакей Верховских (он тоже, как и Глаша, приехал вместе с хозяевами из Москвы), и протянул статскому советнику узкий голубой конверт.

— От господина итальянца, — доложил Трофим, почтительно прокашлявшись. — Только что доставлен.

Павел Петрович открыл конверт и нахмурился.

— Что там? — с замиранием сердца спросила Анна Владимировна.

Ее муж поморщился, не отрывая взгляда от письма, его губы шевелились. Анна Владимировна почувствовала, как сердце опускается у нее в груди все ниже и ниже. Обманул бесстыжий итальянец, как пить дать, обманул! Посулил прийти, а теперь не явится!